

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

события, оценки, прогнозы

Выпуск 30(46)
2013

СОДЕРЖАНИЕ

**СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЯ – НАТО
СТОИТ ПЕРЕД НОВЫМИ ЗАДАЧАМИ**

Ульрих Бранденбург

**РОССИЯ – ЕВРОСОЮЗ:
ОТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА
К ХОЛОДНОМУ МИРУ**

Юрий Борко

**ФРАНЦИЯ И НАТО: ИТОГИ ГОДА
ПРЕЗИДЕНТСТВА Ф. ОЛЛАНДА**

Дарья Махмутова

**АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ
«ОСОБЫЕ ОТНОШЕНИЯ»:
ПОЗИЦИИ АМЕРИКАНСКИХ
И БРИТАНСКИХ ЭКСПЕРТОВ**

Олег Каринцев

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЯ – НАТО СТОИТ ПЕРЕД НОВЫМИ ЗАДАЧАМИ

Ульрих Бранденбург,

Посол Федеративной Республики Германия в Российской Федерации

В будущем году заканчивается проводимая силами НАТО операция по поддержанию безопасности в Афганистане. Большая часть войск НАТО покинет страну, оставшаяся часть будет заниматься прежде всего обучением. На Балканах – с 90-х гг. XX в. это основное направление выполняемых НАТО операций – сегодня остаётся лишь значительно сокращённый контингент в Косово. Тем самым операции по поддержанию мира, годами определявшие план действий Альянса, отходят, по крайней мере пока, на второй план. Действующая Стратегическая концепция НАТО определяет ключевые задачи блока: коллективная оборона, кризисное регулирование (об этом речь идёт в Афганистане и Косово) и безопасность на основе сотрудничества. Концепция остаётся действующей. Сокращение в обозримом будущем военных операций, проводимых НАТО, и снижение расходов на оборону в государствах блока тем не менее дали толчок дискуссии о будущем профиле задач Альянса – дискуссии, содержанием которой должно было бы стать и расширение сотрудничества с Россией.

В общественном восприятии отношений между Россией и НАТО проблемы часто стоят на переднем плане – причём как в России, так и в государствах – членах НАТО. В моей профессиональной карьере я часто сталкивался с таким восприятием и также становился свидетелем некоторых трудностей и кризисов в отношениях. Но гораздо сильнее моё собственное восприятие, а также моя работа определялись важными положительными решениями и прежде всего повседневным практическим сотрудничеством по совершенно конкретным совме-

стным проектам. Кооперация между Россией и НАТО с 1991 г. является тем самым, с моей точки зрения, вполне успешной – в том числе потому, что она была возможной, несмотря на многие спорные пункты.

Что делает НАТО привлекательной для её старых и новых членов, но также для её многочисленных партнёров внутри Европы и за её пределами? Этот блок создаёт организационные рамки для тесного трансатлантического сотрудничества и для коллективной обороны в соответствии со ст. 51 Устава Организации Объединённых Наций (причём угроза нападения на территорию НАТО с применением обычных вооружений сегодня рассматривается как незначительная). Времена изменились с момента образования блока.

Но сохранилась успешная мультинационализация в особенно чувствительной для многих государств сфере безопасности и обороны. Поколения политиков, дипломатов и прежде всего военных прошли через школу НАТО и научились совместно решать проблемы. Они сотрудничают в мультинациональных штабах, проводят совместные учения и могут положиться друг на друга во время операций, проводимых НАТО. Вооружение и военная техника соответствуют совместным стандартам, в важных сферах оснащение и средства приобретаются и используются совместными усилиями. Этот опыт с момента окончания «холодной войны» во всё большей степени открывается и странам-партнёрам, не являющимся членами НАТО, – таким как Россия. Альянс стремится к ещё большей мультинационализации: это не в последнюю очередь является вопросом эконо-

мической эффективности и займёт в предстоящей дискуссии важное место. Хорошим примером, включающим в себя и Россию, является «Временное решение по стратегическому воздушному транспорту» (SALIS). Несколько стран НАТО (в том числе Германия) используют при этом арендованные тяжёлые дальние транспортные самолёты Ан-124 «Руслан» для снабжения своих войск, прежде всего в Афганистане. Два таких самолёта на постоянной основе дислоцированы в Лейпциге.

Россия по многим причинам занимает особое положение среди партнёров Альянса. Основа для этих особых отношений была заложена основополагающим актом 1997 г. и Римской декларацией 2002 г. Россия, НАТО и ее члены на равноправной основе сотрудничают в Совете Россия – НАТО. Ежемесячные встречи Совета, принимающего на основе консенсуса рабочие программы и следящего за их реализацией, являются – как предусмотрено в Римской декларации – центральным элементом дальнейшего развития отношений между Россией и НАТО. Эта работа лишь изредка привлекает внимание общественности. Но она демонстрирует весьма впечатляющие результаты, как убедительно показывает опубликованный Советом Россия – НАТО Информационный бюллетень о практическом сотрудничестве¹. Она находит поддержку со стороны

¹ Режим доступа на сайте Совета Россия – НАТО – <<http://www.nato-russia-council.info/ru/>>. В разделе «Содержание» (стр. 25) можно получить в порядке перечисления информацию о всех нынешних проектах. Центральными направлениями неизменно остаются борьба с терроризмом, укрепление Афганистана, борьба с незаконным оборотом наркотиков и военное сотрудничество, несмотря на то, что зафиксированная в письменном виде военная доктрина России по-прежнему видит в НАТО противника: «Основные внешние военные опасности: а) стремление наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора (НАТО) глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран – членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока» (Военная доктрина Российской Федерации от 5 февраля 2010 г., п. 8).

Один лишь факт существования подобного бюллетеня следует рассматривать как положительный индикатор сегодняшнего состояния взаимоотношений Россия – НАТО. Так, в конце 2007 года сорвалось принятие двусторонней программы сотрудничества Советом Россия –

многочисленных, зачастую очень технических рабочих групп и существующих специально для работы по данным вопросам партнёров, как в политической, так и в военной сфере, и также уже пережила сложные периоды – такие, как косовский кризис 1999 г. и грузинский кризис 2008 г. Из этих кризисов, кстати, были извлечены правильные уроки, в том числе и касающиеся отношений Россия – НАТО.

Главы государств и правительств государств – членов НАТО и России констатировали во время саммита 2010 г. в Лиссабоне: «[...] безопасность России и НАТО тесно взаимосвязаны. [...] У нас общие важные интересы, и мы сталкиваемся с общими вызовами». Терроризм, пиратство или распространение оружия массового уничтожения – это угрозы, которым Россия и страны НАТО подвержены в равной степени и которым они смогут эффективней противостоять, если будут сотрудничать на доверительной основе. Соответствующим образом сформулированы и совместные цели в заявлении по итогам Лиссабонского саммита: «Мы будем работать для достижения подлинного стратегического и модернизированного партнёрства, основанного на принципах взаимного доверия, прозрачности и предсказуемости, с целью внести свой вклад в создание единого пространства мира, безопасности и стабильности в Евроатлантическом регионе»².

Прозрачность является, по моему твёрдому убеждению, ключевым понятием в этой связи. Прозрачность создаёт доверие. Оно возникает благодаря ежедневному сотрудничеству на протяжении многих лет. Во многих сферах мы всё ещё с недоверием реагируем на действия и высказывания друг друга. Примером тому является взаимная озабоченность по поводу учений другой стороны вблизи территории партнёра. Именно в этой сфере прозрачность путём обмена информацией о запланированных учениях с приглашением принять участие в них может стать способом снижения степени недоверия.

НАТО, потому что принятие этого документа было связано к выполнению ДОВСЕ, действие которого Россия приостановила в 2007 году.

² Сайт Президента России [онлайн] Совместное заявление Совета Россия–НАТО. 20 ноября 2010 г. [09.09.2013] <http://www.kremlin.ru/ref_notes/789>

Примером полезности осуществляемой на практике прозрачности является так называемая Инициатива по сотрудничеству в воздушном пространстве (Cooperative Airspace Initiative) между Россией и НАТО. Её цель заключается в том, чтобы сделать возможным обмен данными контроля воздушного пространства между Россией и несколькими странами НАТО для как можно более быстрого обнаружения фактов захвата самолётов террористами в совместном воздушном пространстве и возможности предпринимать совместные шаги против этого.

Доверие также открывает возможность учиться друг у друга. Новые вызовы и угрозы, критерии эффективности и демографическое развитие в наших государствах ставят перед нашими вооружёнными силами схожие задачи. В государствах – членах Альянса, но также и в России, вооружённые силы переживают глубокие перемены: они сокращаются, модернизируются и проходят обучение с учётом новых сценариев проведения операций. В связи с этим

реформа оборонного сектора, как мне кажется, является той сферой, в которой НАТО и его члены, с одной стороны, и Россия – с другой, должны ещё более активно сближаться друг с другом.

Мой личный вывод из более чем 20-летней истории сотрудничества между Россией и НАТО: НАТО сохранит своё значение. Сотрудничество необходимо и возможно; все участники процесса извлекают пользу из этого, потому что совместно они могут ещё больше содействовать укреплению безопасности в евроатлантическом пространстве. В лице Совета Россия – НАТО у нас есть превосходный инструмент для дальнейшего продвижения кооперации. Насколько хорошо мы используем его, в значительной степени зависит от политической воли всех участников. Ключом к этому является взаимное доверие. Дальнейшее укрепление этого доверия путём принятия осознанных решений в пользу ещё большей прозрачности я считаю приоритетной задачей.

РОССИЯ – ЕВРОСОЮЗ: ОТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА К ХОЛОДНОМУ МИРУ

Юрий Борко,

*главный научный сотрудник Института Европы РАН,
почетный президент Ассоциации европейских исследований*

Приближается 20-летие с того дня, 24 июня 1994 г., когда на острове Корфу было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Российской Федерацией и Европейским союзом и его государствами-членами. Провозглашенная в нём концепция новых, партнёрских отношений России и ЕС стала политико-правовым фундаментом их

взаимодействия практически во всех областях – экономике, политике и культуре. Хотя срок его действия истёк в 2007 г., оно, в соответствии со статьёй 106 СПС, автоматически продлевается из года в год, пока не будет заключено новое соглашение или одна из сторон не откажется от его продления. Возможно, официальные лица в Брюсселе и Москве произнесут благозвучные

фразы по поводу наступившей круглой даты, но в экспертном сообществе – что там, что здесь – аплодисментов не будет. Слишком уныл и беспросветен нынешний климат отношений между Россией и Евросоюзом. Если исходить из того, что внешняя политика, в общем, является проекцией внутренней политики, то наибольший вклад в негативную эволюцию этих отношений за последние 10 лет внесли российские «верхи».

Есть известное правило: если что-то хочешь понять, следуй совету Козьмы Пруткова – «зри в корень!» Присмотревшись к истории наших отношений в 90-е годы, сразу же замечаешь, что в них с самого начала присутствовала двусмысленность с обеих сторон – обилие хороших слов и минимум дел и результатов в практике сотрудничества.

Москва декларировала свою готовность к строительству рыночной экономики и демократии, а также к развитию партнёрства с ЕС вплоть до вступления в его состав. Реально же российская экономика погрузилась в глубокий и длительный кризис (1990–1996), промышленное производство и ВВП сократились более чем наполовину. К тому же выяснилось, что в стране формируется полуолигархическая, полукриминальная экономика с высокой степенью государственного вмешательства. Закончившийся кровопролитием конфликт между президентом России и Верховным Советом (октябрь 1993 г.) и военная кампания федеральных войск против провозгласившей независимость Чеченской Республики (1994–1995) показали, что возникающая в стране новая политическая система также очень далека от европейских образцов демократии.

В ЕС приветствовали курс российского руководства на проведение реформ и выражали готовность содействовать их проведению. Но в закрытых докладах европейских экспертов говорилось, что экономика России не в состоянии эффективно использовать западные инвестиции, и следует ограничиться оказанием экстренной продовольственной помощи и финансированием программ передачи опыта и знаний европейских специалистов в сферах законодательства, управленческой деятельности и развития демократических институтов.

Итоги 90-х гг. были невыразительны. В ноябре 1997 г., после растянувшегося на три с половиной года процесса ратификации, всту-

пило в силу СПС. Торговые связи едва превзошли уровень начала 90-х гг., а сотрудничество в других отраслях экономики замерло на старте. В сфере международных отношений заинтересованность ЕС в сотрудничестве с Россией была минимальной. Конец 90-х гг. был минорным: Брюссель подверг критику Москву за «нездоровую» финансовую политику, которая привела к дефолту (1998), и за «непропорциональное применение силы» в Чечне (1999); в Европе с тревогой следили за возрастающей недееспособностью президента Б. Ельцина и возникающим «вакуумом власти» в стране, обладающей вторым по мощи ядерно-ракетным потенциалом.

Крутой поворот в отношениях Россия – ЕС совпал с наступлением нового века и нового тысячелетия. Он был обусловлен двумя событиями. Осенью 1999 г. в докладе МВФ было отмечено, что финансовый кризис, поразивший два десятка развивающихся стран, быстрее и успешнее всего был преодолен в Бразилии и, неожиданно для западных экспертов, в России, где через год после дефолта пошли в рост промышленность и ВВП. В новогоднюю ночь президент Б. Ельцин ошеломил Россию и весь мир, объявив об отставке и назначении своим преемником Владимира Путина. В марте 2000 г. В. Путин был избран президентом. В направленном Еврокомиссией официальном поздравлении была выражена надежда на то, что это событие послужит импульсом к новому старту отношений партнерства и сотрудничества между ЕС и Россией.

Фактически Евросоюз имеет дело с В.В. Путиным как первым лицом России уже 14 лет. Отношения между ЕС и Россией миновали за это время несколько этапов, но в целом они эволюционировали парадоксальным образом: практическое сотрудничество развивалось, пусть с заминками и откатами, по восходящей траектории, а взаимное восприятие и общий климат отношений – по синусоиде с общим трендом к понижению. Этот парадокс имеет своё объяснение. По отношению к России внутри ЕС с начала и по сей день существует разделение труда.

Двустороннее сотрудничество стран – участниц ЕС и России развивалось в виде прямых связей между десятками тысяч операторов – предприятий и компаний во всех отраслях экономики, научных центров, вузов и школ, меди-

цинских учреждений, культурных организаций, туристических фирм и т.д., а также между государственными ведомствами, ответственными за политику в соответствующих сферах сотрудничества с Россией. Этот процесс развивался на основе совпадающих прагматических интересов и обоюдной выгоды. К тому же отношения России со многими странами ЕС опирались на давние традиции и механизмы сотрудничества, действовавшие даже в период «холодной войны». Особенно интенсивно шел этот процесс в 2000–2007 гг. благодаря возобновлению экономического роста и частичной социально-политической стабилизации в России, взрывному росту цен на нефть и благоприятной экономической конъюнктуре в Европе.

Что касается взаимодействия между Россией и Евросоюзом как субъектом международных отношений, то оно, в согласии с его компетенцией, было сосредоточено на таких вопросах, как договорная политико-правовая основа партнёрства, его цели, принципы и рамочные условия сотрудничества в сферах экономики, политики, культуры. Здесь-то и выявились все несоответствия между экономическими и политическими системами сторон, политическими культурами, интересами, ближайшими приоритетами и т.д. ЕС и в 90-е гг. неоднократно обвинял российское руководство в отступлении от основных ценностей и принципов, следовать которым обязались обе стороны.

Тем не менее начало нового этапа отношений после избрания В. Путина было обещающим. Европейские политики, при всей их осторожности, возлагали некоторые надежды на нового российского лидера, который по всем статьям отличался от своих предшественников за последние полвека – возрасту, образованию, личному, пусть и специфическому, знакомству с Европой, способностью общаться на европейских языках. В свою очередь, В. Путин стремился установить доверительные персональные контакты с европейскими лидерами. Инициативу в разработке концепции сотрудничества взял на себя Евросоюз. В качестве основы он предложил в начале 2000 г. идею стратегического партнерства, принятую, с некоторыми коррективами, Россией. Затем последовали другие предложения, в том числе об энергетическом диалоге. Наконец, на Санкт-Петербургском саммите Россия – ЕС (май

2003 г.) была принята идея строительства четырёх общих пространств – экономического; свободы, безопасности и правопорядка; сотрудничества в области внешней безопасности; науки, образования и культуры. Это была кульминация конструктивного этапа взаимодействия, за которой уже вскоре последовал спад.

Мотивы для недовольства были у обеих сторон. Евросоюз критически воспринял курс Путина на строительство «вертикали власти», а фактически на свёртывание демократии. В судебном процессе над М. Ходоровским в Европе усмотрели не только личную неприязнь президента к одному из лидеров российского бизнеса, но, в первую очередь, курс на установление контроля государства над экономикой, открывающего простор для государственного рейдерства и коррупции чиновничества на всех уровнях – от федерального до местного. В ряде документов ЕС такого рода события и тенденции были квалифицированы как отход России от основополагающих принципов партнёрства – приверженности ценностям демократии, верховенства закона и прав человека.

Поводы для недовольства были и у Москвы. Щедрый на долгосрочные программы сотрудничества Евросоюз продемонстрировал скупость и неуступчивость в подходе к конкретным запросам России. ЕС последним из её главных торговых партнёров признал рыночный характер российской экономики. Москва с трудом добилась приемлемых условий сухопутной транспортной связи между Калининградской областью и остальной Россией. В Брюсселе пять лет игнорировали предложение России обсудить некоторые аспекты её торгово-экономических связей со странами ЦВЕ, которым мог быть нанесён ущерб после их вступления в ЕС. Взаимоприемлемые решения по большинству вопросов были найдены лишь после того, как Москва предупредила, что не распространит действие СПС на вступающие страны, пока не будут рассмотрены её озабоченности. В эти же годы четко обозначилось соперничество на постсоветском пространстве. Объявленную в Брюсселе программу Восточного партнёрства и поддержку «оранжевых революций» в Украине и Грузии Москва восприняла как экспансию ЕС в зону своих жизненных интересов. В Европе позицию Москвы оценили как возрождение её имперских амбиций.

Кризис, возникший в отношениях Россия – ЕС в период второго президентства В. Путина (2004–2008) был, по сути, кризисом концепции стратегического партнёрства в той версии, которую предложил Евросоюз. Европейский и в целом западный взгляд на причины кризиса нашел отражение в докладе «Имея дело с Россией: следующая фаза» (2006), подготовленном тремя видными дипломатами – европейским, американским и японским, – выступавшими в качестве независимых экспертов. Итогом их анализа стал вывод о том, что концепция стратегического партнёрства, основанного на обоюдных ценностях, должна быть снята с повестки дня, поскольку «российское руководство не готово к сотрудничеству в таком ключе», и её следует заменить курсом на практическое взаимодействие с Россией в тех областях, где и насколько это возможно – «налаживание контактов между обычными людьми, облегчение визового режима, образовательный и научный обмен между неправительственными организациями и деятелями из разных сфер, и прежде всего взаимодействие в деловой сфере»³. Российское руководство эта концепция перестала устраивать, потому что она исходила из презумпции лидерства ЕС, его претензии определять «правила игры» в Европе, а интеграция России «в европейское экономическое пространство» фактически ставилась в зависимость от того, как будут развиваться в ней процессы демократизации. Фактически В. Путин, ни разу не сказав о ней, отверг её в своей речи на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности⁴. В западной прессе её назвали чуть ли не возвратом к «холодной войне». Это было явным перебором, но на Западе действительно впервые услышали столь жесткое заявление о том, что Россия будет решительно отстаивать свои интересы и проводить самостоятельную политику.

Кульминацией кризиса стало военное вмешательство России в конфликт между Грузией и отделившимися от нее республиками – Южной Осетией и Абхазией. Евросоюз оценил её действия как фактический отказ от стратеги-

ческого партнерства. Тем не менее «Кавказский конфликт» дал первый импульс к модификации отношений между ЕС и Россией. Предложенный Парижем план восстановления ситуации «замороженного конфликта» («план Медведева–Саркози») оказался первым примером эффективного взаимодействия ЕС и России в целях урегулирования острого регионального конфликта. Это открыло путь к переговорам о новом долгосрочном соглашении между ними взамен СПС, исчерпавшего свое действие в ноябре 2007 г. Разъясняя мотивы ЕС, Еврокомиссия в своем обзоре отношений с Россией, опубликованном в ноябре 2008 г., отметила не только высокую степень экономической взаимозависимости, но и впервые назвала Россию «ключевым геополитическим актором, конструктивное участие которого является необходимой предпосылкой эффективного международного сообщества»⁵.

В течение 2009–2010 гг. признаки начавшейся модификации отношений Россия – ЕС выявились достаточно отчетливо. Один из её важнейших факторов – финансово-экономический кризис, глубоко затронувший обоих партнеров и создавший новую для них ситуацию схождения и равной заинтересованности в сотрудничестве с целью формирования новой, более устойчивой и надежной мировой финансовой системы, новых механизмов контроля и регулирования мировой экономики. Обе стороны были активными сторонниками и участниками создания Группы 20 и ее превращения в постоянно действующий механизм координации действий «Двадцатки» с целью решения этих задач. Кризис также поставил ЕС и Россию перед необходимостью решения ряда актуальных проблем, возникших под воздействием охлаждения в их экономических отношениях (торговля, инвестиции и т.д.). Наконец, в ЕС позитивно восприняли некоторые новации, объявленные вскоре после своего избрания новым российским президентом Дмитрием Медведевым – курс на всестороннюю модернизацию страны и либерализацию её политической системы. Однако вскоре выяснилось, что никаких существенных перемен во внутренней по-

³ Lane R., Telbott S., Watanabe K. Engaging with Russia. Report to the Trilateral Commission. Washington, 2006.

⁴ Lenta.ru [онлайн] Стенограмма речи Владимира Путина на конференции в Мюнхене [11.03.2010] <<http://lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry/>>

⁵ The European Parliament [on line] Review of EU-Russia relations, Brussels, 5 November 2008 [25.04.2011] <http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/d_ru_20090212_08 /D RU_20090212_08_en.pdf>

литике не произошло, и пульт управления государством находится в кабинете главы правительства В. Путина. В отношениях Евросоюз – Россия вновь возникла пауза неопределённости, которая оказалась недолгой.

Четыре события в России, уложившиеся в полгода – с осени 2011 по весну 2012 г. – заявление Дмитрия Медведева о предстоящей рокировке с Владимиром Путиным, о чем они, как оказалось, договорились еще четыре года назад, повсеместная фальсификация итогов выборов в Государственную думу, первые с начала 1990-х годов массовые митинги протеста в Москве и фальсификация президентских выборов в марте 2012 г. – перекроили полотно политической жизни в стране. С тех событий прошло более полутора лет, и многое уже проявилось. В истории современной России началась новая глава – пробуждения и консолидации гражданского общества, вступившего в противостояние с государством. Президент В. Путин вместо диалога с оппозицией избрал путь репрессий. И поскольку это противостояние определяет вектор общественно-политической эволюции страны, для ЕС оно начинает служить важнейшим критерием отношения к Российскому государству, а точнее – к президенту и правительству, которые в данный момент правят страной. Пока российское общество пребывало в спячке, инициированный Евросоюзом диалог о демократии быстро превратился в ритуальное действо с четко распределёнными ролями: Брюссель призывал Москву укреплять демократию и соблюдать права человека, а Москва «кормила» Брюссель рассказом об «особом пути» развития российской демократии. Теперь время ритуальных заклинаний прошло. Нынешняя Россия явила свой лик авторитарного государства, в котором фальсифицируются выборы, фабрикуются судебные процессы против участников протестного движения и «крышуются» высокопоставленные коррупционеры.

В итоге рухнула одна из опор партнёрства Евросоюза и России – их обязательство в полной мере применять все принципы и положения основных документов ОБСЕ и Парижской хартии для новой Европы. Более того, возникает вопрос и о членстве России в Совете Европы. Она и в 90-е гг. была далека от канонов европейской демократии. Но тогда она объявила своей целью построение демократи-

ческого и правового государства, и в европейских столицах надеялись на то, что Россия будет шаг за шагом продвигаться к этой цели. Исходя из этого, саммит ЕС принял в 1996 г. решение рекомендовать Совету Европы принять в свой состав Россию, несмотря на то что его юридическая комиссия дала отрицательное заключение. Расчеты не оправдались, и в европейских странах всё громче звучат голоса тех, кто считает политический режим в России несовместимым с членством в Совете Европы. Симптоматично, что такую точку зрения разделяет немецкий политолог Александр Рар, один из самых компетентных зарубежных экспертов по России. Кремль, считает он, осуществляет «консервативную революцию», и это больше соответствует российской истории и традиции, нежели либеральные 90-е гг. «России надо быть честной, – заключает эксперт, – и выйти из Совета Европы»⁶.

Плохо просматриваются перспективы развития экономических отношений с ЕС. В 2012 г. объем взаимной торговли превысил докризисный уровень, но её дальнейший рост – под большим вопросом, т.к. Россия по-прежнему экспортирует в Европу в основном энергоносители, а темпы роста её экономики до конца 2010-х гг. прогнозируются на уровне не более 3-3,5%. Повысить темпы роста ВВП и существенно изменить товарную структуру экспорта невозможно без модернизации экономики. Эта цель провозглашена, и в дополнение к собственным усилиям России принята программа содействия Евросоюза российской модернизации. Но модернизация буксует, и причина не в дефиците средств и менеджмента, а в нежелании и неспособности правящего политического клана начать реформы, меняющие основы нынешней экономической и политической системы. Степень этой готовности измеряется ужасающей цифрой: отток капитала из страны составит в 2013 г. не 30 млрд. долл., как прогнозировалось ранее, а 70 млрд.; продолжится бегство капитала и в следующем году. Реальная, а не декларативная готовность европейского бизнеса участвовать в модернизации тоже отражена в цифрах: в 2000–2002 гг. доля

⁶DW.de [on line] Жолквер Н. В среде немецких кремлевцев обостряются противоречия [20.06.2013] <<http://dw.de/p/18raO>>

прямых инвестиций в общем объёме иностранных инвестиций в российскую экономику составляла 27,6%, а в 2010–2012 гг. – 11,0%⁷. Подавляющая часть поступающего в страну иностранного капитала приходится на торговые кредиты. Долгосрочные вложения в основной капитал, приносящие с собой новые технологии и более эффективный менеджмент, всё ещё считаются слишком рискованными из-за лагун в законодательстве о собственности, повальной коррупции чиновничества, предвзятости и непрозрачности судебной системы.

Фактически отношения Россия – ЕС пришли в состояние застоя, а проходящие дважды в год саммиты превратились в рутинные дипломатические мизансцены, где их постоянные участники исполняют хорошо знакомые ритуальные танцы и расходятся, пожелав друг другу спокойной ночи. Никаких новшеств, никаких значимых решений. Последние саммиты, состоявшиеся в 2012–2013 гг., были чистой формальностью.

И это не просто застой. Это глубокий кризис в отношениях, имеющий системный характер. Концепция стратегического партнёрства скончалась. Её ключевая идея – строительство четырёх общих пространств Евросоюза и России – оказалась миражом. Невозможно объединить в едином экономическом пространстве развитую рыночную экономику Евросоюза и только что возникшую, крайне монополизированную и полукриминальную экономику России. Невозможно создать общее пространство свободы, безопасности и правосудия, так как политические системы стран ЕС и России, по сути, альтернативны. Невозможно создать общее пространство внешней безопасности России и Евросоюза, поскольку, помимо совпадающих или достаточно близких геополитических интересов, существует обширное пространство сталкивающихся интересов. Самое чувствительное из них – острое соперничество на постсоветском пространстве, которое переросло в открытую политико-дипломатическую схватку из-за Украины. Глубокие разногласия между Москвой и столицами ряда крупных европейских государств существуют по поводу ситуации в Сирии и на Ближнем Востоке, рево-

люций в арабском мире и т.д. Можно, конечно, утешиться тем, что ничто, вроде бы, не мешает строить общее пространство науки, образования и культуры, если не считать того, что никто не знает, как оно должно выглядеть.

Возвращаясь к нынешнему состоянию отношений Россия – ЕС, следует вспомнить, что для них всегда были характерны неустойчивость, меняющийся баланс сотрудничества и соперничества, периодические смены климата – от потеплений к заморозкам и обратно. Сейчас они находятся в низшей точке синусоиды, что-то вроде холодного мира. Похоже, что европейские лидеры не хотят выходить на долгосрочные договорённости с В. Путиным. Это гипотеза; а в том, что касается российского президента, можно определённо говорить о смене вектора его внешнеполитической стратегии – с Запада на Восток⁸. Как следствие, ни у Брюсселя, ни у Москвы не видно пока стимулов к скорейшему подписанию нового долгосрочного соглашения взамен СПС. Поэтому переговоры похожи на какой-то фантастический велосипедный «сюрпляс», продолжающийся уже шестой год. А текущие дела пока будут решаться по мере острой необходимости и насколько это возможно.

Тем не менее Россия остаётся потенциальным стратегическим партнёром ЕС. Она относится к числу немногих государств, играющих существенную роль в обеспечении глобальной и европейской безопасности, и остаётся одним из главных экономических партнёров Евросоюза, даже если её важность как экспортёра нефти и газа в Европу в будущем уменьшится. У этой точки зрения есть авторитетные сторонники в Европе, например Энтони Брентон, дважды работавший в британском посольстве в России – в начале 90-х гг. советником, а в 2004–2008 гг. послом Великобритании. Подвергнув в одной из статей резкой критике внутреннюю и внешнюю политику России, британский дипломат тем не менее заключал, что при

⁸О смене вектора свидетельствуют концепции внешней политики России, подписанные 28 июня 2000 г. и 12 февраля 2013 г. В первом документе подчеркивалось «ключевое значение» отношений с ЕС; во втором говорится лишь о развитии сотрудничества с ЕС, и акцент сделан на смещении мирового потенциала силы и развития в Азиатско-Тихоокеанский регион. Оба документа подписаны президентом В.В. Путиным.

⁷Федеральная служба государственной статистики [онлайн] Инвестиции в Российскую экономику [13.02.2013] <www.gks.ru/free_doc/ntw_site/business/invest/>

всех трудностях отношений с «ранимой, ершистой, обидчивой Россией... долгосрочная перспектива гораздо позитивнее, чем это допускает большинство комментаторов». В пользу такого прогноза, по его мнению, говорят такие факторы, как экономическая взаимозависимость, соображения безопасности и то, что «исторически и культурно [Россия] является частью Европы»⁹.

По каждому из названных факторов есть разные точки зрения – как в Европе, так и в России. Их анализ требует еще одной статьи, и остановимся на том, что, в зависимости от конкретных условий, они могли бы сыграть позитивную роль или не сыграть никакой роли. Практически же поворот в сторону улучшения отношений, поиска решений ряда актуальных проблем, переговоры по которым не завершены, в частности, подготовки «пакетных» реше-

⁹Центр ЕС – Россия [онлайн] Брентон Э. Россия и Европа: проблема, не имеющая решения? [13.05.2010] <eu-russiacentre.ru/our-publications/column/rossiya-i-evropa/>

ний, содержащих взаимные сбалансированные уступки, представляется неизбежным. Скорее всего, первые усилия в этом направлении будут предприняты после президентских выборов в 2018 г., если на этот высший пост в России будет избран новый человек. Самым лучшим вариантом для страны и для её позиционирования на международной арене стало бы избрание на этот пост политика, известного своей убежденностью в необходимости всесторонней модернизации страны, включая её политическую систему, а также новой внешнеполитической стратегии. При таком варианте открывалась бы перспектива трудного и медленного продвижения к подлинному стратегическому партнёрству Евросоюза и России. Но пока в это не верится. Так что в обозримом будущем оптимальным сценарием следует считать сотрудничество на основе совпадающих или пересекающихся интересов, по возможности избегая кризисных ситуаций, чему способствовал бы интенсивный и не прерывающийся диалог на официальном и общественном уровнях. А там, как говорят, поживём – увидим.

ФРАНЦИЯ И НАТО: ИТОГИ ГОДА ПРЕЗИДЕНТСТВА Ф.ОЛЛАНДА

Дарья Махмутова,

сотрудник Центра по изучению проблем европейской безопасности ИНИОН РАН.

Le changement c'est maintenant'

F. Hollande

Прошедший год после президентских выборов во Франции был отмечен, прежде всего, переоценкой политическим руководством страны, во главе которого встал социалист Ф. Олланд, итогов президентства Н. Саркози и поиском новых путей развития Республики¹⁰.

Одним из главных внешнеполитических решений Н. Саркози стало возвращение

Франции в интегрированные структуры военного командования НАТО в 2009 г. Оно явило собой, с одной стороны, символический жест, с другой – стремление практической реализации целей Республики: упрочение ее политических позиций в Альянсе, увеличение оперативно-технических возможностей французских ВС, придание нового импульса развитию оборонных структур Европейского союза.

В ходе предвыборной риторики в 2012 г. позиции главных соперников – Н. Саркози и

¹⁰«Изменения – сейчас» – предвыборный слоган Ф. Олланда.

Ф. Олланда – по вопросу о полноценном участии Республики в НАТО по своей сути отражали партийно-политическую борьбу, развернувшуюся во французском парламенте в 2009 г. «Правый» Н. Саркози утверждал, что принятие решения об участии в интегрированном военном командовании НАТО обеспечило французским военным доступ к системе принятия военно-стратегических решений в Альянсе. Кроме того, Саркози заявлял о том, что его «решение позволило усилить европейскую опору НАТО»¹¹.

Предвыборная позиция Ф. Олланда по этому вопросу в точности отражала взгляды социалистов – членов парламента. Назвав решение уходящего президента «поспешным», он подчеркнул отсутствие референдума в 2009 г. и какого-либо сдвига в развитии Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) ЕС, а также подверг резкой критике заявления Н. Саркози об усилении роли Республики в Альянсе. «Пришло время приступить к подведению итогов этой реинтеграции»¹², – сказал он.

Оценку итогов возвращения Франции в интегрированное военное командование НАТО при Ф. Олланде можно рассматривать как двойственный процесс: с одной стороны, это концептуальные заключения, с другой – практическая реализация видения президентом роли Франции в Альянсе.

На концептуальном уровне эта миссия была поручена избранному президентом бывшему министру иностранных дел Юберу Ведрину 18 июля 2012 г. В представленном 14 ноября 2012 г. докладе «О последствиях возвращения Франции в интегрированное военное командование НАТО, будущем трансатлантических отношений и перспективах Европейского оборонного проекта»¹³ было

¹¹Le Nouvel Observateur [en ligne] OTAN. Ce qu'en disent les candidats. [13.06.2012] <tempsreel-nouvelobs.com/electionpresidentielle2012/20120417.OBS6393/otan-ce-qu-en-desent-les-candidats.html>

¹²Ibidem.

¹³France Diplomatie [n ligne] Hubert Védrine. Rapport pour le président de la République Française sur les conséquences du retour de la France dans le commandement intégré de l'OTAN, sur l'avenir de la relation transatlantique et les perspectives de l'Europe de la défense [15.01.2013]

отмечено, что возвращение Франции в военные структуры НАТО имело двойной результат. С одной стороны, оно позволило ей в значительной степени повлиять на разработку стратегии Альянса и, в частности, защитить преобладание доктрины ядерного сдерживания в концептуальных документах НАТО, а также увеличить кадровое участие в военных органах. Однако решение, принятое в 2009 г., не дало Франции больше возможностей оказывать влияние на разработку афганской стратегии Альянса. Спорными являются вопросы военно-экономических последствий данного решения. Безусловно, оно улучшило возможности французской промышленности: на данный момент французские компании обозначили 27 из 150 проектов «умной обороны», в которых, по их мнению, Франции необходимо принять участие для развития своего промышленного потенциала. Однако стандартизация с НАТО поставила французскую промышленность в затруднительное положение: закупка произведенных в США вооружений и военной техники на деле оказалась более выгодной, чем перепрофилирование национальных компаний оборонного сектора.

Свое развитие идеи, высказанные Ю. Ведрином, получили в новой Белой книге по обороне и национальной безопасности 2013 г.¹⁴ В ней, в частности, отмечены основные функции, которые берет на себя Франция в рамках Альянса: обеспечение коллективной обороны, трансатлантическое партнерство, совместное ведение военных операций. Кроме того, в документе в очередной раз отмечается, что ядерное сдерживание является гарантией безопасности в мире.

Стоит отметить, что данное положение играет важнейшую роль для Франции. С 1966 г., когда по решению генерала Ш. де Голля страна вышла из интегрированных военных структур Альянса, она не является членом Комитета ядерного планирования. Одним из условий возвращения страны в НАТО было сохранение status quo в данном

<www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdg/Rapport_H_VEDRIN_E_V7_-_definitive_cle05be84.pdf>

¹⁴Ministère de la défense [en ligne] Le livre blanc sur la Défense et la Sécurité nationale 2013 [23.05.2013] <www.defense.gouv.fr/actualites/articles/livre-blanc-2013>

вопросе. Не исключая переход к безъядерному миру в долгосрочной перспективе, официальный Париж по-прежнему считает ядерное сдерживание единственным инструментом обеспечения безопасности в современном мире.

Практической реализацией переосмысления роли Франции в НАТО стал, прежде всего, афганский вопрос. Через 10 дней после вступления в должность, 25 мая 2012 г., Ф. Олланд нанес неожиданный визит в Афганистан, где подтвердил свои предвыборные обещания о том, что французские военные покинут страну на два года ранее согласованного срока – к концу 2012 г. Необходимо подчеркнуть, что по итогам саммита НАТО в Чикаго 20 и 21 мая 2012 г. из Афганистана ушли только оперативные группы ВС Франции; французская сторона продолжает сотрудничество в рамках подготовки сил безопасности ИРА, в вопросах здравоохранения и образования.

Чикагский саммит НАТО, в целом, стал важной вехой в развитии отношений Франции с Альянсом, он позволил учесть приоритеты Республики по основным вопросам: Афганистану, ПРО, ядерному сдерживанию и «умной обороне». «Оборонный пакет» обеспечил Франции участие в 6 международных проектах «умной обороны»¹⁵, в частности, в проекте самолетов-заправщиков Airbus, недостаток которых был очевиден во время Ливийской операции 2011 г. Кроме того, впервые в официальном документе НАТО главы государств и правительств стран-участниц подчеркнули важность сильной европейской оборонной промышленности. Именно в перераспределении доходов от промышленного производства в пользу европейцев Франция видит итог политики «разделения бремени» (burden-sharing) среди государств – членов Североатлантического союза.

Подводя итог, следует отметить, что приход к власти во Франции президента-социалиста во многом оказал влияние на развитие отношений Франции и НАТО. Тем не менее изменения, коснувшиеся этих отношений, не поставили

под вопрос полноправное членство страны в Альянсе. Несмотря на негативную оценку решения Н. Саркози о возвращении в интегрированные структуры военного командования НАТО, сегодня социалисты во главе с президентом Ф. Олландом считают необходимым и важным развитие атлантического вектора внешней политики Франции. Ключевыми здесь являются два вопроса: усиление роли Франции в НАТО и европейская оборона.

Что касается последней, то ожидаемого «правыми» нового стимула европейская оборона не получила – бюджетные сокращения в странах-участницах, вызванные мировым финансовым кризисом, привели к нежеланию ряда европейских стран брать на себя новые обязательства и риски. В 2012 г. только 3 европейских страны сумели сохранить военные бюджеты, превышающие 2%-ный порог, 4 остались на уровне между 1,8% и 2%, у 13 этот показатель составил от 1% до 1,5% ВВП, 5 оставшихся не смогли преодолеть и 1%-ный барьер. Для Франции же возвращение в Альянс подразумевало собой увеличение ее доли в бюджете НАТО (с 264,86 млн. евро в 2009 г. (до реинтеграции) до 325, 86 млн. евро в 2011 г., и на сегодняшний день доля Франции в гражданском и военном бюджетах Альянса составляет 11,42% и 11,17% соответственно).

В то же время очевидным является тот факт, что полная реинтеграция сделала возможным для Франции управление трансформационными процессами Альянса «изнутри», активное участие в военном планировании и разработке новой стратегической концепции 2010 г. Франция, предоставляющая крупнейший воинский национальный контингент для Сил реагирования НАТО получила должность Верховного главнокомандующего ОВС НАТО по трансформации в Норфолке. Впервые эту должность занял неамериканец. Уже в ноябре 2010 г. на Лиссабонском саммите НАТО Франция добилась подтверждения того, что стратегия Альянса все еще базируется на политике ядерного сдерживания, а также признания того, что ядерное сдерживание и противоракетная оборона являются взаимодополняющими, но не альтернативными понятиями.

¹⁵ На 12.06.2013 Франция принимает участие в 14 из 24 международных проектов «умной обороны».

Учитывая вышесказанное, Ф. Олланд проводит взвешенную политику в отношении Альянса: верховенство национальных интересов в сочетании с трансатлантической солидарностью выражаются в стремлении минимизировать негативный эффект от возвращения в военные интегрированные структуры НАТО и извлечь максимальную выгоду от нового положения Франции в Альянсе. Перемены, которые происходят сегодня на международной арене –

формирование многополярного мира, появление новых вызовов безопасности, – делают необходимым увеличение роли европейцев в деле собственной обороны. Важнейшим шагом на этом пути является усиление европейской составляющей НАТО как организации – гаранта стабильности в Евро-Атлантике. Решение данной задачи во многом зависит от политической воли президента Франции.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ «ОСОБЫЕ ОТНОШЕНИЯ»: ПОЗИЦИИ АМЕРИКАНСКИХ И БРИТАНСКИХ ЭКСПЕРТОВ

Олег Каринцев,

независимый исследователь

(в сотрудничестве с Центром

партийно-политических исследований

Института Европы РАН)

Феномен англо-американских «особых отношений» является актуальной проблемой современной европейской безопасности. Анализ исторического контекста и специфики сотрудничества между двумя ключевыми игроками проясняет особенности принятия решений, особенности формирования глобальной повестки дня. «Особые отношения» рассматриваются как оптимальная модель двусторонних отношений, позволяющая проводить эффективную внешнюю политику.

Партнерство между США и Великобританией основывается на общей истории, общих ценностях и общих интересах в мире. Поэтому «особые отношения» – это целостное мировоззрение, внешнеполитические и внутривнутриполитические аспекты которого усиливают друг друга. Участвующие в этих отношениях страны становятся не только партнерами в области безопасности, но

и помогают друг другу наладить эффективное взаимодействие с гражданским обществом.

Межправительственное взаимодействие между Британией и США создало новый «золотой стандарт», с которым можно сравнивать другие формы международного сотрудничества. Как подчеркивают американские эксперты в области безопасности, взаимодействие с Британией является важнейшим направлением американской внешней политики, потому что оно основывается на модели, характерной для демократических государств. При этом «особые отношения» измеряются в терминах целей и традиций двусторонних отношений между странами.

Британские эксперты считают, что во время Войны за независимость американские колонисты воевали против Англии не потому, что они были против британцев, а потому, что британский парламент нарушил принципы

британской традиции. Под последними понимаются согласие парламента на введение налогов, независимый суд, защита индивида от произвола власти и коррумпированных чиновников. Поэтому отделение Соединенных Штатов от Британской империи рассматривается не как помеха в двусторонних отношениях, а как подтверждение приверженности обеих стран общим ценностям.

В частности, как заявил Даниэль Ханнан, депутат Европарламента и экс-президент Консервативной ассоциации Оксфордского университета: «Почему я, британский политик-патриот, хвалю американскую исключительность? Почему я хвалю страну, созданную в результате восстания против Британской короны? Я делаю акцент на общих корнях, единой правовой традиции, англосаксонском парламентаризме, которые взяли за основу отцы-основатели США»¹⁶.

С точки зрения сторонников «особых отношений», колонисты не отрицали британское наследие, а заново утверждали его, спасая это наследие от короля и коррумпированного правительства. Например, один из отцов-основателей США Джон Адамс был убежден, что американские свободы – это не то, что предстоит обрести, а права, твердо установленные британским законом¹⁷. Как отмечала Маргарет Тэтчер в своем обращении к Соединенным Штатам, «традиции представительного правления, независимого суда, система конституционных сдержек и противовесов – в не меньшей мере ваше наследие, чем наше. Вы не заимствовали эти традиции, вы взяли их с собой, поскольку они уже были вашими»¹⁸.

¹⁶The Heritage Foundation [on line] Hannan D. Down the road to serfdom: warnings from a British friend. [02.07.2013] [Douris_Man_with_wax_tablet <http://www.heritage.org/research/lecture/2012/03/a-warning-from-a-british-friend>](http://www.heritage.org/research/lecture/2012/03/a-warning-from-a-british-friend)

¹⁷Clark D. A bridge over troubled waters: the vital role of intelligence sharing in shaping the Anglo-American “special relationship” // Thesis for Master of Arts in Security Studies, Naval Postgraduate School, Monterey, 2008.

¹⁸Raymond R. The US-UK special relationship in historical context: lessons of the past // US-UK relations at the start of the 21st century / Ed. by McCausland J., Stuart D. Carlisle, Pennsylvania: Strategic studies institute, US Army War College, 2006. – P. 13.

«Особые отношения» означают, что Британия и США стремятся играть ключевую роль в мире, понимая внешнюю политику как путь к лидерству, а безопасность как средство усиления обеих стран. Роль этих стран в мире определяется их финансовой и военной мощью, а Британия является главным военным партнером США. Военное, ядерное и разведывательное сотрудничество Британии и США основывается на высоком уровне доверия.

Несмотря на то что «особые отношения» зависят от степени поддержки американскими президентами и степени, с которой премьер-министр Британии достигает консенсуса по этому вопросу в своей стране, кто бы ни находился у власти, это не сказывается на сотрудничестве в сфере безопасности, так как оно определяется общим восприятием угроз.

По мнению американских экспертов, первой проверкой англо-американского альянса на прочность стал Суэцкий кризис 1956 г. С их точки зрения, у Эйзенхауэра, ставившего удержание канала в зависимость от степени угрозы арабского национализма, было два пути: 1) принять участие в совместной военной операции против Насера; 2) убедить европейцев согласиться с действиями Насера¹⁹. Иден оказывал давление на Эйзенхауэра, чтобы он пошел по первому пути. Однако поскольку Эйзенхауэр ставил во главу угла безопасность в регионе, применение силы считалось нецелесообразным. Когда Британия ушла из Египта, она поняла, что ей необходимо исключить такого рода провалы посредством интенсивного взаимодействия с американцами²⁰.

Другим испытанием для «особых отношений», по мнению экспертов, стала позиция Соединенных Штатов в ходе войны на Фолклендских островах. В марте 1982 г. британская разведка в Буэнос-Айресе, проконсультировавшись с американскими партнерами, сделала вывод, что Аргентина

¹⁹McDermott R. Risk-taking in international politics: prospect theory in American foreign policy. Ann Arbor, 1998.

²⁰Kupferchmidt F. The United Kingdom between transatlantic relationship and European integration: pragmatism put o the test. - WP №5, 2007. – Berlin, German institute for international and security affairs.

собирается вторгнуться на Фолкленды. Тэтчер попросила Рейгана вмешаться, после чего тот провел телефонные переговоры с главой аргентинской военной хунты Леопольдо Гальтерери и направил вице-президента Джорджа Буша в Буэнос-Айрес, однако генерал отказался вести переговоры с Британией. Несмотря на это, министр обороны США Каспар Уейнбергер приказал американским вооруженным силам и разведывательным агентствам работать с Великобританией по преодолению Фолклендского кризиса²¹.

При Маргарет Тэтчер и Рональде Рейгане «особые отношения» вышли на новые рубежи. Тэтчер и Рейган впервые встретились в Лондоне в 1975 г., когда Тэтчер была избрана лидером Консервативной партии, а Рейган ушел с поста губернатора Калифорнии для участия в праймериз Республиканской партии. Позднее, как он вспоминал, «Тэтчер мне сразу понравилась – она была искренней, женственной, грациозной и умной – и с первых слов стало очевидно, что мы единомышленники»²². Вместе с тем когда Рейган принимал решения, ни Тэтчер, ни кто-либо другой не могли на него повлиять: например, Тэтчер не смогла убедить Рейгана сократить бюджетный дефицит²³.

По мнению американских и британских экспертов в области безопасности, после

Рейгана и Тэтчер наибольшего развития «особые отношения» достигли при Джордже Буше-мл. и Тони Блэре. Этому, с их точки зрения, способствовало то, что Буш и Блэр рассматривали интервенционистскую внешнюю политику с религиозной точки зрения, как способ умножения добра в мире. С точки зрения нынешнего премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона, англо-американские отношения основываются на обоюдной необходимости, представляя собой партнерство сознательного выбора, обусловленного национальными интересами.

Об укреплении стратегического сотрудничества США и Великобритании в настоящее время свидетельствуют шаги нынешней американской администрации, особенно в контексте расширения совместной с Британией деятельности в отношениях с Тихоокеанским содружеством и другими вопросами внешней политики и безопасности. Вместе с тем по ряду направлений сотрудничество США и Британии оказалось не столь скоординированным. В частности, стратегические ошибки в Афганистане могут привести к дестабилизации региона, страны которого обладают ядерным оружием.

В настоящее время «особые отношения» между Британией и США вновь подвергаются вызовам, что, в частности, проявилось в связи с речью Кэмерона о Британии в Европейском союзе, а также в связи с решением Британского парламента не участвовать в военно-воздушной операции против Сирии, учитывая негативный опыт в Ираке. От того, смогут ли обе страны выработать единый подход по ключевым вопросам повестки дня, зависит будущее «особых отношений» между ними.

²¹Cronin J. Britain and America beyond empire: neo-liberalism, the “special relationship” and the search for global order // Paper presented to the Conference of Europeanists. – Chicago, 2006.

²²Reagan R. An American life. – N.Y.: Simon and Schuster, 1990. – P. 204.

²³Le Moynes [on line] Mahaffy S. A dependent nation: Thatcher, Europe, and the special relationship. [02.07.2013] <http://lemoyne.edu/Portals/11/pdf_content/302B.pdf>

Бюллетень публикуется ИНИОН РАН, Центром по изучению проблем европейской безопасности с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в евро-атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Академик Ю.С. Пивоваров

Академик В.Г. Барановский

Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин

Д.п.н. А.И. Никитин

К.и.н. А.В. Загорский.

Главный редактор – к.и.н. Т.Г. Пархалина.

Ответственный секретарь – Д.С. Махмутова.

© ИНИОН РАН

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-21725

Отпечатано в ИНИОН РАН

Нахимовский пр-т, д. 51/21,

Москва, В-418, ГСП-7, 117997